

---

## ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И УГРОЗЫ УНИФИКАЦИИ

**Миронов В. В.**

член-корр. РАН, д. ф. н., проф.,  
декан философского факультета МГУ.

*E-mail:* vlamironov@yandex.ru

*В статье рассматриваются актуальные проблемы современной глобализации, одним из следствий которой становится стремительное расширение масштабов коммуникации. Это дает основание говорить о глобальном коммуникационном пространстве, когда новейшие технологии делают возможным общение представителей разных культур. На примере объединенной Германии показано, как капитализм, не имея идеологического конкурента в лице социализма, в новых, прежде всего научно-технических и информационных, условиях фактически возвращается к своему классическому образцу. В итоге делается вывод, что процесс глобализации представляет собой сложное преобразование всей мировой системы и несет опасность выбора унифицированных и упрощающих моделей интеграции, которые могут значительным образом трансформировать систему национальных культур.*

**Ключевые слова:** глобализация, развитие, унификация, культура, общество, система, интеграция.

*The author considers the urgent problems of modern globalization which among other has led to a swift extension of communication. The latter allows speaking about a global communication area with technological innovations making it possible the interaction between different cultures. By the example of Germany it is shown the way capitalism in the absence of an ideological competitor represented by socialism, under new, first of all, scientific, technical and communicational conditions in fact reverts to its classical model. The author comes to a conclusion that globalization process is a complex transformation of the entire world system and threatens with choosing some uniform and simplifying integration models that can considerably transform national cultures system.*

**Keywords:** globalization, development, unification, culture, society, system, integration.

В настоящее время идет процесс становления единой мировой системы во всех областях человеческой жизни – политике, экономике, культуре и т. д., – который часто обозначают термином *глобализация*.

С одной стороны, глобализация – это реализация целей капиталистического производства, то есть явление во многом экономическое. Ее сутью является создание общей экономической и производственной империи, основанной на уси-

**Век глобализации 1/2012 20–33**

лении роли транснациональных взаимодействий, когда производство становится неким единым процессом, не разделяемым на национальные и культурные традиции, специфицированным под задачи максимального получения прибыли. Это проявление империалистической сути развития капиталистического общества, о которой в последние годы мир стал подзабывать, но которая достаточно неожиданно для многих получает новые импульсы для развития благодаря интеграционным процессам, происходящим в сфере коммуникации. Сегодня в производстве большинства продуктов и товаров участвуют представители многих стран. В каком-то смысле каждый продукт есть продукт транснационального коллективного творчества и труда.

В одной стране вырабатываются теоретические идеи, в другой – ее технологические решения, третья выступает непосредственным изготовителем товара. Причем большая доля прибыли определяется научно-технологическим вкладом, тогда как непосредственное производство товара дает относительно малую долю прибыли. В силу этого возникла система, которая опирается на стихийное формирование единого рынка, особенно в области непосредственного производства товара, с одновременным жестким разделением этого рынка на специализированные производственные сектора. Страны, менее развитые в области науки и технологий, получают свое место, которое очень трудно изменить.

Однако такая конфигурация мира стала проявлять признаки неустойчивости, ибо наиболее прибыльные специализированные сектора экономики оказались закрепленными за традиционно мощными капиталистическими странами, прежде всего США и рядом европейских государств. Страны, не попавшие в данную категорию, вынуждены реализовывать чужие технологии, обеспечивая массовость производства, тогда как основную прибыль получают государства, господствующие в технологическом отношении. Неустойчивость такой системы необходимым образом будет приводить к попыткам «передела» секторов рынка, особенно со стороны быстро развивающихся стран типа Южной Кореи или Индии и, уж конечно, в первую очередь со стороны стремительно развивающегося Китая. Китай не устраивает роль «поставщика производственных услуг», но за счет объема последних он настолько тесно финансово связан с технологиями, разрабатываемыми в США, что в определенном смысле можно говорить о своеобразной подсистеме «США – Китай», несмотря на все идеологические и культурные различия. Понятно, что Китай в обозримые сроки превратится из страны, производящей товары по технологиям других стран, в страну, производящую сами технологии, в силу многочисленного населения оставившую за собой огромный рынок производства товаров. Более того, учитывая нарабатанный опыт массового производства «чужих» товаров, Китай, безусловно, окажется лидером в собственном производстве товаров по своим технологиям, что придаст дополнительный импульс экономическому скачку.

Транснациональный рынок, декларируя всеобщую конкурентность, заинтересован в сохранении его специализированности и ограничения возможностей изменения его конфигурации. Например, для этой конфигурации важно, чтобы нефтедобывающие страны продолжали специализироваться именно в данной области. До тех пор, пока так происходит, они находятся в зоне первой группы стран, получающих всяческую поддержку (технологическую, финансовую и пр.),

которая лишь закрепляет такую специализацию. Этому способствуют возможности новых технологий перемещения не только товаров, но также и идей, реализация которых часто невозможна в стране, их создающей, и людей, которые могут обеспечить реализацию данных идей. Поэтому конкуренция является достаточно относительной, с жесткими зонами экономики и технологий, куда другие страны не допускаются. И напротив, когда узко специализированные развивающиеся страны пытаются изменить конфигурацию, они получают жестокий отпор, вплоть до вооруженного вмешательства, со стороны США и некоторых стран Европы, что характерно, например, для арабских событий 2010–2011 гг. Сегодня активно сопротивляться данной ситуации способен только Китай, что он и делает, причем все настойчивее. Представляется, что Россия, имея геополитические и культурные предпосылки использования позиции Китая, погнавшись за сиюминутными выгодами природных ресурсов, потеряла свое влияние на эту страну и будет все в большей степени от нее зависеть.

Население развивающихся стран, особенно занятое в процессе капитализации в сферах производства научных технологий, в свою очередь чисто психологически ощущает дискомфорт своего положения, когда его представители для реализации собственных целей должны переезжать в более развитые страны, что обеспечивает им соответствующий доход, а внутри своей страны их возможности ограничены специализацией данной страны на мировом рынке. Учитывая тенденцию роста образования в мире, а значит, увеличения количества людей, способных участвовать в процессах научного творчества и создания технологий, необходимо понимать, что одновременно это фактор расширения масштаба возможностей социальных конфликтов. Причем развитыми странами будет поддерживаться не столько реформирование страны, в которой происходит конфликт, сколько внутренний передел сфер влияния и власти в пользу закрепления и модификации транснациональной специализированности стран. Роль стран в этом «едином мире» весьма различна, и доминирующую занимают лишь немногие, которые всячески стремятся ее закрепить. Если упростить все вышеперечисленное, то миру навязывается идея: каждая страна должна оставаться в отведенной для нее нише, а это в свою очередь обеспечит стабильность мировой экономической системы и процветание каждой из стран. Рынок поделен, и именно поэтому любые попытки изменить этот порядок могут достаточно жестко пресекаться.

Другим следствием глобализации становится стремительное расширение масштабов коммуникации, что позволяет говорить о глобальном коммуникационном пространстве, когда новейшие технологии делают возможным общение представителей разных культур. По отношению к единому капиталистическому рынку это образование привлекательно, усиливая возможности транснациональных экономических взаимодействий, но одновременно и таит опасности, так как размывает границы специализации стран, в частности за счет того, что знания и технологии неизбежно становятся более доступными и их невозможно так просто удержать в одном регионе. Более того, само приумножение знания в этих условиях приобретает совершенно иной характер. Оно может выступать продуктом коллективного анонимного творчества, которое будет очень трудно контролировать. Возникает не представляемая ранее проблема контроля над рынком или, иначе говоря, проблема власти, когда сетевое сообщество может активно вмешиваться, фактически реализуя властные функции. Соответственно это неизбежно

должно привести к формированию виртуальных властных структур, которые смогут оказывать существенное влияние на весь спектр транснационального рынка. Представляется, что в скором времени государство в силу невозможности приостановить развитие сетевых структур, базирующихся на новейших технологиях, в которых государство также заинтересовано, попытается внедриться в них с целью контроля либо смириться с потерей части собственных полномочий. Думается, что это одно из центральных противоречий глобализации.

При этом вряд ли стоит надеяться, что сетевые властные структуры, формирующиеся изначально как стихийное образование во многом на почве мобильной демократии, таковыми будут всегда. Представляется, что властные функции здесь могут исполняться даже более жестко и оперативно. Причем не только на уровне распространения и доступности информации, но, и это очень важно, на уровне воздействия данных технологий на сознание индивида, что значительно усиливает возможности манипулирования массовым сознанием. Резко изменяющаяся система коммуникации, обеспечивающая проникновение новообразований на все уровни общественного сознания, порождает качественно иной тип системного единства, основанный на совершенно иных принципах управления обществом. Становление глобальной мировой системы культуры, разрушая классическую систему цивилизации как совокупности локальных культур, локальных государств, базируясь на использовании новейших информационных технологий и открывающихся коммуникационных возможностях, может реализовываться как наднациональное управление миром и вернуть нас на новой ступени к некоей Глобальной Империи, что будет сопряжено с возможностью тотального контроля над личностью [Хардт, Негри 2004]. Мы рискуем получить глобальную тоталитарную систему нового типа, основанную на уникальных возможностях манипуляции сознанием как отдельного человека, так и общества в целом при внешней видимости демократического устройства.

Но это процесс подспудный, а для большинства людей глобализация представляется процессом чисто позитивным в силу его объективности, но главное – в силу привнесения в жизнь человека и общества в целом комфорта, причем в самой высокой его степени. Большинство людей стремятся к комфорту и лишь немногие могут от него отказаться, даже осознавая те ограничения, которые он может принести в нашу жизнь. В этом смысле процесс глобализации значительно увеличивает степень комфортности, позволяющей нам не всегда четко понимать, за счет чего и за счет кого такая комфортность достигается и какие следствия этой комфортности могут превратиться в свою противоположность. Например, удобство пользования банковской карточкой в любой точке мира скрывает от нас возможность манипулирования нашими счетами, и опасность этого мы реально осознаем лишь в периоды экономических кризисов или в тот момент, когда лично становимся жертвами преступной манипуляции. Наличие в кармане каждого человека мобильного телефона скрывает от нас возможности тотального контроля над нашим перемещением. Столь удобные и развиваемые социальные сети Интернета, а также возможности современных аудиовизуальных воздействий значительно усиливают возможности манипулирования нашим сознанием

и т. д. Глобализация порождена технологическим путем развития, который выбрало человечество и от которого ему вряд ли возможно отказаться. Однако мыслитель,

стоящий на более общих философских позициях, обязан делать прогнозы и предупреждать общество и отдельных людей в том числе о негативных тенденциях развития, связанных с глобализацией.

Таким образом, глобализация – это определенная стадия общественного развития, базирующаяся на возможностях современных технологий, прежде всего в сфере коммуникации. Объективность процесса развития реализуется в закономерности наступления тех или иных событий (следствий, результатов), в силу чего мы можем более или менее успешно их предсказывать. Но объективность того или иного процесса развития вовсе не носит автоматически позитивного характера с позиции целей и задач человека или общества. Из того, что нечто происходит объективным образом, не следует, что результаты этого процесса всегда позитивны. Другое дело, что, учитывая объективность, а значит, и неизбежность развития событий, мы можем планировать наши действия, осуществляя целенаправленную деятельность. Тривиально, что даже заведомо негативные следствия того или иного процесса развития вполне могут носить объективный характер, определяться объективными закономерностями. Однако в сознании людей часто объективность выступает как позитивная оценочная характеристика.

В этом случае объективность трактуется не просто как то, что наступает закономерно, но и как то, что обладает (в силу этой объективности) особыми ценностными характеристиками, в том числе нравственными, эстетическими и т. д. Такой «перевод» объективности в иную плоскость особенно часто используется в политике как средство манипулирования массовым сознанием. В результате бытует представление, что общество в целом развивается в сторону улучшения не только в научно-техническом, но и в нравственном, гуманистическом отношении. Это, конечно, заблуждение, но достаточно распространенное, позволяющее использовать понятие «объективность» как некое знамя фронтальной позитивности происходящих процессов. В этом случае исследователи любят говорить о прогрессивности развития или прогрессе. Человек склонен абсолютизировать форму своей бытийной реализации, забывая при этом, что, хотя он и является со своей, человеческой точки зрения частью особого социального мира, последняя, тем не менее, лишь элемент более общей структуры (бытия, мира, природы).

Прогресс той или иной социальной системы осуществляется в рамках природных законов, подчиняется им, и любые построения критериев прогресса могут мгновенно быть опровергнутыми даже чисто природными явлениями. Налицо типичная трагическая ситуация, перед которой всегда стоит человек и на которую обращал внимание еще Кант. Являясь конечным существом, человек стремится познавать бесконечное и несоизмеримое его масштабам, неизбежно подгоняя при этом все окружающее под свои собственные измерения. В результате мы говорим, например, об общественном прогрессе, исходя из анализа тенденций, которые доступны нашему познанию (и нашим заблуждениям) в достаточно ограниченной перспективе. Соответственно и наши выводы относительно того или иного варианта развития не являются неким повелительным ключом, запускающим развитие в ту или иную сторону. Смысл понятия прогресса в его наиболее общей форме как развития от низшего к высшему можно усмотреть, пожалуй, в том, что он представляет особую ценностно-мировоззренческую установку, позволяющую человеку, осмысливающему те или иные процессы в природе и обществе, осозна-

вать себя, перспективы своего развития и развития человечества в целом, наполняя общее определение прогресса новым содержанием в зависимости от той социокультурной ситуации, в которой он оказался.

Развитие есть закономерное, необратимое и направленное изменение, связанное с возникновением новых тенденций существования системы. Но сама система может порождать тенденции, не связанные с нашим желанием и даже вопреки ему. Именно в силу этого людям лишь кажется, что все плохое позади, а впереди нас ждет только хорошее. Нам не хочется думать, например, о факте нашей материальной заданности, детерминирующей (пусть и в материальном смысле) нашу жизнь. Однако все мы прекрасно осознаем, что мы смертны, то есть, по существу, конечны, и нас не смущает, что это объективная заданность, которую мы никогда не сможем преодолеть. Более того, нам не кажутся алогичными все действия нашей «разумной» жизни, итогом которой выступает ее неизбежное завершение. В более широком масштабе – как части человеческой цивилизации – нам не хочется и некогда задумываться о том, что планета, на которой мы существуем, – это материальное тело, подчиняющееся законам развития любого материального объекта, который в конце концов саморазрушается независимо от нашего желания. Более того, именно фактор деятельности «разумного» человека может значительно ускорить гибель данной материальной системы. Удивительно трепетно это осознавал К. Циолковский, называя Землю «колыбелью Человечества». Какой блестящий образ! Колыбель – это место комфортного существования человека, от которого он, тем не менее, полностью зависит. Земля – также своеобразная колыбель нашей цивилизации, обреченная на гибель. Отличие разумного человека от младенца в том, что он осознает это и стремится, вырвавшись из колыбели, с помощью разума закрепить свое существование в Космосе. Или другой пример, когда развитие нанотехнологий способно воздействовать на атомарную структуру вещества и создавать материальные объекты, которых не было в природе, в том числе и биологические. Человек как существо деятельное сегодня способен значительно повлиять на объективные природные тенденции развития. Но возникает проблема: а насколько природа как система готова принять такое вмешательство и не придется ли нам позже вслед за Оппенгеймером произносить сакраментальную фразу: «Мы сделали работу за дьявола»? Безудержное развитие научно-технического прогресса без включения механизма рационального сдерживания потребностей может значительно ускорить катастрофу, связанную с варварским использованием ресурсов планеты и ресурсов сосуществования разных культур, которые сложились на этой планете. В каком-то смысле человек – это не только венец, но и всегда потенциальное фиаско мирового бытия.

В силу уже этих общих философских представлений глобализация как процесс развития необходимым образом включает в себя противоположные стороны, если угодно, противоположные векторы, противоположные тенденции, которые могут при определенных обстоятельствах изменить ход этого развития, сделать объективным такую реализацию этого процесса, которая вчера казалась фантастической и невозможной.

С одной стороны, в нем присутствует интеграционная составляющая, о которой мы уже говорили (и которая в основном трактуется позитивно), и с другой стороны, дезинтеграционная составляющая, порождаемая, в частности, агрессив-

ным характером навязывания интеграции. Результатом последнего становятся процессы «национальной дезинтеграции» [Панарин 2004]. Таким образом, ядром еще одного противоречия становится борьба между происходящими в мире интегративными и дезинтегративными процессами, которые приводят к реальным столкновениям и которые человечеству необходимо решать до того момента, когда они перетекут в плоскость реальности, в плоскость бытия. Иначе говоря, процесс глобализации, ведущей тенденцией которого является интеграция мирового сообщества в единое целое, одновременно включает механизмы локальной культурной, национальной дезинтеграции (распадения, исчезновения), которые могут оказать разрушающее влияние на личность, вплоть до полной потери идентичности последней с собственной культурой. Результатом этого может стать растворение отдельных культур в суперкультуре американизированного типа<sup>1</sup>. Критический анализ данных сторон противоречия, возможно, способен скорректировать и само направление развития. По крайней мере, дать повод задуматься.

Кроме вышеуказанных особенностей, глобализация приводит к модификации самого способа существования социальной системы, в которой большое значение приобретает новый тип структурной связи, в буквальном смысле связывающий элементы социальной системы в единое целое. Это образующееся на наших глазах коммуникационное пространство, втягивающее в себя всю социальную жизнь общества и реализующееся через систему новейших средств коммуникации с возможностями, которые ранее были непредставимы. Коммуникация долгое время была неким средством, обеспечивающим процесс обмена информацией между системами. Новые технологии скорее чисто механистически расширили лишь скорость и объем обмена информацией, незначительно влияя на ее содержание. Благодаря новейшим научно-техническим достижениям, возникновению системы Интернета и формированию социальных сетей не только резко увеличиваются масштаб распространения информации и ее оперативность, но и коренным образом меняется ее сущность. Из средства, обеспечивающего функцию передачи и обмена информации, коммуникация превращается в своеобразный каркас социальной системы, создавая предпосылки для формирования глобального образования, элементы которого становятся как никогда структурно взаимосвязанными. В результате коммуникация из средства превращается в содержание и цель социального действия, социальной системы, в каком-то смысле переводя реальную жизнь индивида из бытийно-материальной плоскости в виртуальную, которая по своей эффективности оказывается все же не менее реальной. Коммуникация превращается в некое новое субстанциальное бытие, новую реальность, которая не менее важна, чем реальность материального типа. Общество погружается в глобальное коммуникационное пространство и начинает в ряде случаев функционировать по законам коммуникации, тем или иным образом используя потоки информации. Информация становится серьезным средством управления социальной системой, а значит, источником власти.

---

<sup>1</sup> Термин «американизированный» я использую не в смысле негативного отношения к истории, культуре, традициям и народу США, а для обозначения общей системы доминирования ценностей этой страны, которая стала господствовать в мире благодаря своему лидерству прежде всего в научно-техническом отношении и технологиях. Именно эта лидирующая позиция стала идеологическим основанием для подавления других культур и навязывания всему миру собственной системы ценностей.

До периода возникновения новейших средств и технологий коммуникации общение между культурами осуществлялось через сложный механизм адаптации, который можно обозначить как диалог культур, точнее, как диалог локальных культур [Лотман 1996; 1992]. Здесь коммуникация между культурами осуществлялась в рамках локального коммуникационного пространства, и культуры вырабатывали в том числе механизмы блокировки проникновения инокультурного (язык, религия, традиции и пр.). Внутри каждой культуры также осуществлялся диалог между ее полярными векторами, которые М. М. Бахтин обозначил как «высокую» и «низовую» культуры. В культуре этого типа возникли устойчивые «культурные дихотомии» («свой – чужой», «прикровенность – откровенность» и др.), которые во многом закрепляли указанные уровни культуры, делая ее достаточно устойчивой и самобытной системой<sup>2</sup>.

В настоящее время происходит резкое разрушение локального характера культуры, и диалог между ними осуществляется в иных семиотических условиях, чем это происходило при контакте локальных культур. Ранее коммуникационное пространство возникало как условие диалога самих культур. Сегодня коммуникация стала самостоятельной силой, помещающей диалог культур (часто без их согласия) внутрь глобального коммуникационного пространства. Культуры оказываются внутри агрессивной коммуникационной среды. Семиосфера трансформируется в инфосферу, то есть некое медиaprостранство, в которое погружаются культуры, вынужденные работать по законам этого нового образования. Коммуникация из средства превращается в цель и состояние. Инфосфера – это не просто совокупность информационных средств, а именно реальность, в определенном смысле не зависящая от человека, но делающая его и мир зависящим от нее. Аналогичных процессов в истории человеческого общества не было. Новые образования достаточно гармонично впитывались в систему культуры, постепенно адаптируясь к ней. Сегодня все как бы меняется местами, и мы наблюдаем скорее процесс необходимой адаптации всей системы культуры к глобальному информационному пространству. Активность информационных процессов столь высока, что заставляет подчинять себе традиционные элементы культуры и прежде всего изменяет традиционную систему культурной коммуникации. Коммуникация как таковая превратилась в самостоятельную силу.

В результате этих процессов общество как целостная система приобретает новое системное качество, позволяющее рассматривать его с некоторыми оговорками как единый организм, в котором целостность во многом обеспечивается коммуникативными связями (масштабностью коммуникации, скоростью распространения информации, возможностями ее искусственного конструирования), которые обеспечивают неизмеримо выросшие возможности манипулирования индивидуальным сознанием как элементом социальной системы. Понятие организма довольно часто использовалось и ранее при анализе социума, но чаще всего это было простое перенесение схожих свойств биологических систем для объяснения общества. Для этого всегда было достаточно оснований, когда говорили, например, о зарождении или смерти социальных систем, об их продолжительности жизни и разности времени существования, о прохождении стадий развития, подобных развитию организма (зарождение, жизнь, смерть). Использование тако-

<sup>2</sup> См. целую серию блестящих работ Г. С. Кнабе, в частности: [Кнабе 1993].

го подхода достаточно эффективно, так как для биологических систем характерен целый ряд общих свойств с социальными системами, что относит их к целостным системам, которые обладают свойствами, отличающими их от неживых объектов, и могут быть использованы для объяснения современных процессов в культуре и обществе.

В частности, для анализа изменений, происходящих в этой области, мы будем употреблять термин «трансформация», который часто используется применительно к анализу биологических систем<sup>3</sup> и означает, например, в генетике внесение в клетку генетической информации, приводящей к изменению (трансформированию) клетки и приобретению новых признаков, которые передаются потомству и связаны с особенностями введенной генетической информации. Применительно к нашей проблеме трансформация социальной системы – это ее сущностное изменение изнутри за счет введения информации, наделяющей ее свойствами, которые могут носить разрушающий характер, постепенно и незаметно для элементов системы трансформируя ее в совершенно иную. Это похоже на революцию, однако этот термин слишком перегружен социальными ассоциациями, а кроме того, означает определенный скачок в развитии, который осуществляется сознательно и достаточно быстро и в котором так или иначе принимают участие все элементы социальной системы. Трансформация системы – это направленный процесс, который часто скрыт от наблюдателя и реализуется за счет встраивания в ее подсистемные части чужеродных элементов, внешне не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющих ее работать иным образом. Такой тип изменений характерен именно для живых систем, поэтому в контексте наших рассуждений, пусть, может быть, несколько метафорически, трансформацию культуры можно сравнить, как это делает Дуглас Рашкофф [2003], с трансформацией клетки в живом организме, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК.

В современной медицине встраивание чужеродных клеток в «хозяйскую» является одним из методов генной инженерии и обозначается как процесс трансфекции, если это осуществляется в отношении клетки человека или животного, означая введение инфекции с целью трансформации клетки, результатом чего является начало запрограммированной инфекции, приводящей на генетическом уровне к изменению фенотипа. Понятно, что последствия данных управляемых манипуляций во многом непредсказуемы, так как процесс встраивания вводимого материала в конкретный ген является трудноконтролируемым, а это (особенно в живых организмах) порождает мутации, в том числе связанные с печальными последствиями.

Еще одно любопытное сходство. Условием трансфекции выступает внешнее электрическое поле (электропорация). Она может корректировать работу клетки, заставив ее саму бороться с наследственными болезнями. В этом смысле таким «электрическим» внешним полем для культуры выступает становящееся пространство глобальной коммуникации. Культура буквально атакуется «медиавирусами», и наибольший эффект достигается, как и в случае с живыми организмами, в тех местах, где ослаблен иммунитет, в данном случае – «культурный имму-

<sup>3</sup> См. более подробно: Миронов 2005; 2010.

нитет» системы, или культура необходимым образом связана с поставщиком культурных вирусов, чуждых для данной культуры. Культура получает «инфекционное заражение» через насаждение в нее культурных стереотипов, которые не вытекают из ее сформированной веками сущности. Увеличение числа культур, впитывающих порции однотипных культурных инфекций, способно модифицировать всю человеческую культуру.

Поэтому употребленный мною выше термин «американизация» не случаен, а в буквальном смысле означает, что одним из методов трансформации современной культуры является сознательное насаждение культурных стереотипов, которые изнутри способны стимулировать данные процессы трансформации всей системы культуры. Она реализуется не через разрушение отдельных звеньев системы (как это происходит в революции), а наступает фронтально, последовательно модифицируя всю систему. Если мы хотим противостоять этим процессам, мы должны, с одной стороны, видеть эти слабые звенья, а с другой – повышать противостояние, иммунитет системы к чужеродным элементам, и это одна из важнейших задач обеспечения безопасности культуры, а значит, и государства на современном этапе. Модификация проблемы национальной безопасности должна быть основана на ее более широком понимании, не сводящем ее обеспечение лишь к военной составляющей в случае прямого столкновения. В рамках становления глобальной экономической системы обеспечение безопасности должно учитывать эту фронтальность и быть готовым видеть зоны опасности в процессах, которые внешне кажутся удаленными от прямой угрозы существованию государства, культуры и отдельного человека. Опасность может исходить отовсюду, в том числе даже из кажущихся нам безопасными изменений, происходящих в культуре, политике и образовании, и последствия этого могут быть не менее, а, может быть, даже более пагубными в общекультурном масштабе. Например, сегодня, фактически закрыв наше образование для Китая за счет высокой платы за обучение в вузах, мы можем нанести серьезный стратегический урон будущему страны, потеряв возможных союзников нашей культуры. А именно на этом многие десятилетия выстраивались отношения с данной страной, особенно учитывая национальный менталитет ее представителей, для которых дружба выходила за рамки толерантного европейского отношения.

Очень ярко процесс трансформации культуры проявляется в господстве английского языка. Язык – это базовая составляющая культуры, однако общество ради удобства общения фактически во многом отказывается от знания языков других культур и в какой-то степени от собственного языка. Чего только стоят призывы читать в рамках высших учебных заведений некий процент лекций на английском языке. И речь здесь идет не о приглашении западных ученых, в таком случае это было бы понятным, а о чтении лекций нашими преподавателями на другом языке. Наверное, трудно представить себе американского профессора, который вдруг в силу данных обстоятельств начинает читать лекции на русском языке. Соответственно английский язык получает экстенсивное распространение, закрепляя сначала на языковом уровне, а затем и на уровне поведения стереотипы господствующей культуры. Это расширяет «псевдокультурное» поле общения, диалог в котором осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур. То есть внутрикуль-

турная составляющая языка отступает на второй план ради возможности коммуникации, пусть и упрощенной, если можно так сказать, наименее культурной частью культуры. В формируемом на базе одного языка коммуникационном пространстве господствуют общие стереотипы, оценки, параметры требуемого поведения, то есть ее общедоступные компоненты. Безусловно, это сопряжено с массой удобств, но одновременно может лишить диалог между культурами всякого смысла. Мы можем понять любого человека в любой точке Земли, но на уровне совпадения или даже тождественности смыслов. Это становится общением ради общения, общением без насыщения смыслами, общением со своим зеркальным отображением по заданным стереотипам коммуникации.

Происходит резкое увеличение образований, претендующих на статус культурных. Старая система ценностей подвергается мощнейшему давлению и разрушению, а временные рамки адаптации не позволяют новым символам адаптироваться к традиционной смысловой системе ценностей. Разрушаются системы ценностей и традиций, которые господствовали веками, новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культуuroобразующий смысл остается не всегда ясным. Нарушается пропорция между «высокой» и «низовой» культурой. Последняя становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования). В этом смысле массовая культура – это типично «низовая» культура, но значительно усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования. Г. С. Кнабе очень метко это обозначал в одной из своих работ, ссылаясь на анализ римской культуры: как и там, в определенный период в нашем обществе начинает господствовать «плебейская» культура.

Сегодня такой «плебейской» культурой выступает феномен «поп-культуры», представляющий собой антикультурный выброс из общей системы культуры части «низовой» культуры, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления, продукты которой широко распространяются благодаря современным средствам массовой коммуникации. В этом смысле поп-культура представляет собой лишь имитацию «низовой» культуры, а поэтому является в целом контркультурным явлением, то есть противостоит всей системе культуры. Здесь все является общим, стереотипичным. Она не имеет своих национальных корней, даже если сопряжена с языком своей культуры. Главным отличием поп-культуры от классической является изменение характера производства и потребления ее образцов, для которых важнейшим фактором становится массовость и оперативность распространения. Это, в свою очередь, порождает бесконечное приумножение сферы удовольствий и развлечений. Современное общество становится фабрикой развлечений, потребителем продуктов которой становится все общество. Не случайно сам термин «фабрика», например «фабрика звезд», используется почти в прямом значении. Особенностью поп-культуры является чрезвычайная агрессивность и всеядность, это проявляется в том, что тиражированию (и моде) может быть подвержено все, в том числе и образцы «высокого» искусства. Поп-культура как бы «вырвалась» из системы культуры, став ее превращенной формой, то есть симуляцией культуры.

Поп-культура – это самовыражение современной массовой культуры и типичный продукт глобального информационного пространства. Она принципиально отстранена от фундаментальных этнических, религиозных оснований и традиций. Ее условием является интегрированная информационная среда, а реализацией – массовые действия, которые мы нынче обозначаем как шоу. Поп-культура – это прекрасная среда для медиавирусов, которые распространяются в ней «точно так же, как биологические вирусы» [Рашкофф 2003]. Принципом их распространения является узнаваемость в медиапространстве, на чем и базируется вся поп-культура, будь то узнаваемость поп-звезд или поп-лидеров политики. Важным признаком поп-культуры является неотделимость репродуцируемых произведений от воспринимающей их массовой среды и самих средств технической репродукции. Исполняющий поп-музыку и слушающий ее – это одно целое, их невозможно представить друг без друга. В шоу господствует не индивидуальное, то есть отличное от другого, творчество, а принцип соучастия. Участие само по себе становится формой коммуникации без необходимости понимания другого или передачи какого-то смысла. Шоу опирается на активное поведение и взаимодействие массы, сиюминутно учитывает ее реакцию. Исполнитель воспринимается слушателями как часть их самих, и они требуют от него соответствующего их настроению поведения, а не элитарной отстраненности. Поскольку бесконечное шоу поп-культуры пронизывает жизнь каждого человека, оно не ограничивается только традиционными средствами развлечения, а превращает в развлечение всю окружающую действительность. Человек буквально во всем ищет зрелищности, а средства масс-медиа помогают ее представить в соответствующей форме. Реальная жизнь подменяется бесконечными реалисти-шоу – это пример наивысшей степени симуляции, которая не так безобидна, ибо вырабатывает в человеке однотипные, а значит, легко манипулируемые стереотипы поведения. Мы начинаем погружаться в «реальность», которая конструируется масс-медиа, и современный мир превращается в большое шоу, работая по его законам. Даже демократия, которую часто преподносят как главное достижение развитых капиталистических стран, сегодня часто есть, по сути, дозированная демократия, а это, может быть, худший вид тоталитаризма, так как она основана на конструировании иллюзий и информационных шоу, распространяющих эти иллюзии. Шоу – это современный вариант средневекового карнавала, который вошел в нашу жизнь, но в условиях совершенно иной информационной среды. «Низовая» культура становится официально признаваемой как ее превращенная форма, а ее представители удостоиваются высоких званий и наград, становятся героями. Не случайно наиболее яркие шоу реализуются в политике, ибо политика в большей степени, чем какая-нибудь иная деятельность, напрямую зависит от популярности того или иного лидера.

Глобализация пронизывает все уровни общественного сознания, носит агрессивный характер, даже если реализует свои устремления не в виде прямых военных действий. Более того, «мирная» глобализация оказывается даже более эффективной, ибо не вызывает прямого протеста, или, точнее, протест всегда запаздывает и часто начинается тогда, когда система уже трансформировалась и работает по иным законам. Агрессивность данного типа интеграционных процессов представляет собой, по меткому обозначению А. С. Панарина, угрозу всему жизнен-

ному миру человечества [Панарин 2004]. В этом смысле можно даже говорить о таком типе глобальной интеграции, как «интеграция-захват». «Мирная» глобализация, захватывая часто реальные пространства, происходит без тех жертв, которые были бы возможны в результате прямого вмешательства.

В качестве примера политического апробирования процессов агрессивной глобализации данного типа можно рассматривать факт так называемого объединения Германии [Россия... 2004]. В соответствии с договоренностями о создании социального союза на ГДР было распространено законодательство ФРГ, что означало распространение всей правовой системы ФРГ на пять новых федеральных земель. Оптимистам казалось, что это позволит достаточно быстро повысить эффективность использования экономических ресурсов, что в свою очередь приведет к резкому всплеску экономической активности, западный капитал «потечет» в новые земли, как грибы, будут расти новые промышленные предприятия, возникнет огромный рынок труда.

Однако этого не произошло. Западному капиталу оказалось невыгодно «идти» в бывшую ГДР по законам ФРГ. Затрат больше, рентабельность ниже, а зарплата и пенсионное обеспечение должны были соответствовать нормам ФРГ. К такой «жертве» единая нация оказалась не готова. Неслучайно уже более двадцати лет в восточных землях на очень многих работах, в том числе и нелегально, использовалась внешняя сила в виде выходцев из других стран (чехи, словаки, украинцы, русские), а немцы пополняли рынок безработных. Следствием этого стало отсутствие необходимого количества энергичных предпринимателей, которые на стадии их возможного формирования были буквально «раздавлены» западным капиталом или интегрировались в его наиболее развитые структуры на западе страны. Курс «догоняющего развития» оказался невыполнимым, о чем, кстати говоря, предупреждал в 1991 г. Юрген Хабермас: «Отказ от осознанного акта принятия новой Конституции препятствовал тому, чтобы объединение стало общим проектом. Вместо этого был принят вариант будущего в форме прошлого» [цит. по: Zukunft 2001]. Вместо того, чтобы сообща принять новую германскую Конституцию и создать общую республику на основе синтеза лучших сторон обоих государств, Германия пошла по пути «воссоединения» как упрощенного типа интеграции. И в этом, как нам представляется, была определенная историческая ошибка, так как реально произошло не объединение двух стран как некий синтез лучших качеств обеих социальных систем, а подчинение одной системы (которая была определена как плохая) другой (которая позиционировалась как передовая). В результате на территории западных земель возникли трудности, связанные с перераспределением финансовых потоков, что сразу сказалось на социальных программах, традиционно сильных в Германии. А восточные земли получили весь спектр проблем, о которых они забыли при социализме (гарантия работы, бесплатные ясли и детские сады и пр.). В результате сегодня во всей ФРГ идет свертывание социальных программ. Знаменитая идея Л. Эрхарда, воплотившаяся в ФРГ до объединения, обозначаемая как социальная рыночная экономика, фактически разрушена. Капитализм, не имея идеологического конкурента в лице социализма, в каком-то смысле возвращается к своему классическому образцу, но, конечно, в иных, прежде всего научно-технических и информационных, условиях.

В результате вместо «догоняющей» модернизации мир получил «подражательную», которую позже навязали и России. Глобальный прагматизм западно-германского капитала оказался выше «национальных», внутренних интересов Германии. Культурная идентичность немецкой нации потерпела поражение перед глобальным экономическим сообществом. Экономическая практика ФРГ последних лет показала, что поставленная цель политиков – выравнивание уровня жизни восточных немцев с западными – оказалась иллюзорной. Более того, на уровне массового сознания в стране сегодня возникают совершенно невероятные ностальгические мотивы, вплоть до восстановления Берлинской стены<sup>4</sup>. Таким образом, реализовался процесс «интеграции-захвата», даже без доли метафоричности данного термина, а мир потерял исторический шанс действительной «интеграции-синтеза» Запада и Востока. Очень схожие процессы ныне происходят и внутри Европейского союза.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс глобализации, несмотря на всю его объективность, представляет собой сложное преобразование всей мировой системы, которое наряду с огромными преимуществами, связанными с возможностями координированного управления этой системой, одновременно несет опасности выбора унифицированных и упрощающих моделей интеграции, могущих значительным образом трансформировать систему национальных культур. Необходимо понимать, что такого рода модификации не должны быть основаны лишь на экономической и политической составляющей, а учитывать, хотя это более сложно, необходимость реализации иного типа – культурного единства, основанного на учете разнообразия культур. Это стратегически более выигрышно, так как обеспечивает гибкость системы, а значит, возможность решения более сложных задач.

### *Литература*

Виллегас Е. 15 лет без стены прожили немцы – и успели по ней соскучиться // Российская газета. 2004. № 3627. 12 ноября. (Villegas E. Germans lived 15 years without wall – and managed to miss it // Russian Newspaper. 2004. No. 3627. November 12).

Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. (Knabe G. S. Materials to lectures on the general theory of culture and culture of the Ancient Rome. Moscow, 1993).

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. (Lotman Yu. M. Culture and explosion. Moscow, 1992).

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. (Lotman Yu. M. In the conceiving worlds. Moscow, 1996).

Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. М., 2005. (Mironov V. V. Philosophy and metamorphoses of culture. Moscow, 2005).

Миронов В. В. Процессы трансформации культуры в глобализирующемся мире: коммуникационный вектор // Вестник МГУ. Серия VII. Философия. 2010. № 3. С. 3–25. (Mironov V. V. Processes of transformation of culture in the globalizing world:

---

<sup>4</sup> «Опрос немецкого журнала “Штерн” показал, что 15 лет после легендарной мирной революции и падения Берлинской стены каждый пятый немец ничего против новой постройки этой самой стены не имеет. Неофициальная статистика добавляет к официальной, что каждый восьмой немец готов платить дополнительные налоги для восстановления Берлинской стены». См.: Виллегас 2004.

Communication vector // Herald of Moscow State University. Series 7. Philosophy. 2010. No. 3. Pp. 3–25).

Панарин А. С. Глобализация как вызов жизненному миру // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74. № 7. С. 619–626. (Panarin A. S. Globalization as a challenge to life // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2004. T. 74. No. 7. Pp. 619–626).

Рашкофф Д. Медиавирус. М., 2003. (Rashkoff D. Mediavirus. Moscow, 2003).

Россия и Германия: опыт трансформаций / отв. ред. Н. И. Дряхлов. М., 2004. (Russia and Germany: Experience of transformations / Ed. by N. I. Dryakhlov. Moscow, 2004).

Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. (Hardt M., Negri A. Empire. Moscow, 2004).

Zukunft Ost. Perspektiven für Ostdeutschland in der Mitte Europas. Berlin, 2001.